

Валерий Брюсов

В подземной тюрьме



Валерий Яковлевич Брюсов

В подземной тюрьме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9819603

Аннотация

«Султан Магомет II Завоеватель, покоритель двух империй, четырнадцати королевств и двухсот городов, поклялся, что будет кормить своего коня овсом на алтаре святого Петра в Риме. Великий визирь султана, Ахмет-паша, переплыв с сильным войском через пролив, обложил город Отранто с суши и с моря и взял его приступом 26 июня, в год от воплощения Слова 1480. Победители не знали удержу своим неистовствам: пилой перепилили начальника войск, мессера Франческо Ларго, множество жителей из числа способных носить оружие перебили, архиепископа, священников и монахов подвергали всяческим унижениям в храмах, а благородных дам и девушек лишали насилием чести...»

Содержание

I	4
II	6
III	8
IV	10
V	12
VI	14
VII	16
VIII	17
IX	19
X	21

Валерий Брюсов

В подземной тюрьме

По итальянской

рукописи начала XVI века

I

Султан Магомет II Завоеватель, покоритель двух империй, четырнадцати королевств и двухсот городов, поклялся, что будет кормить своего коня овсом на алтаре святого Петра в Риме. Великий визирь султана, Ахмет-паша, переплыв с сильным войском через пролив, обложил город Отранто с суши и с моря и взял его приступом 26 июня, в год от воплощения Слова 1480. Победители не знали удержу своим неистовствам: пилой перепилили начальника войск, мессера Франческо Ларго, множество жителей из числа способных носить оружие перебили, архиепископа, священников и монахов подвергали всяческим унижениям в храмах, а благородных дам и девушек лишали насилием чести.

Дочь Франческо Ларго, красавицу Джулию, пожелал взять в свой гарем сам великий визирь. Но не согласилась гордая неаполитанка стать наложницей нехристя. Она встрети-

ла турка, при первом его посещении, такими оскорблениями, что он распалился против нее страшным гневом. Разумеется, Ахмет-паша мог бы силой одолеть сопротивление слабой девушки, но предпочел отомстить ей более жестоко и приказал бросить ее в городскую подземную тюрьму. В тюрьму эту неаполитанские правители бросали только отъявленных убийц и самых черных злодеев, которым хотели найти наказание злее смерти.

Джулию, связанную по рукам и ногам толстыми веревками, принесли к тюрьме в закрытых носилках, так как даже турки не могли не оказывать ей некоторого почета, подобавшего по ее рождению и положению. По узкой и грязной лестнице ее стащили в глубину тюрьмы и приковали железной цепью к стене. На Джулии осталось роскошное платье из лионского шелка, но все драгоценности, бывшие на ней, сорвали: золотые кольца и браслеты, жемчужную диадему и алмазные серьги. Кто-то снял с нее и сафьянные восточные башмаки, так что Джулия оказалась босой.

II

Тюрьма была выкопана в земле, под главной башней городской стены. Два небольших окна, забранных толстой железной решеткой и приходившихся у самого потолка, лишь крайнюю свою часть подымались над поверхностью земли. Они пропускали лишь столько света, чтобы в тюрьме не стоял вечный мрак и чтобы привыкшие к темноте глаза заключенных могли различать друг друга. В каменные стены были вделаны крепкие крюки с цепями и железными поясами. Эти пояса надевались на узников и запирались наглухо замком.

В тюрьме было шестеро заключенных. Турки никого из них не захотели освободить, так как всегда любили соблюдать обычаи той страны, которую завоевали. Джулию приковали между старухой Ванощой, осужденной за колдовство и сношения с дьяволом, и бледным юношей Марко, брошенным сюда уже во время осады, за участие в заговоре против правителя города.

Джулия первые часы заключения лежала как мертвая. Она была потрясена всем происшедшим с ней и задыхалась в душном и смрадном воздухе тюрьмы. Она ждала с ми нуты на минуту, что жизнь покинет ее.

Но узники, которые еще ничего не знали о взятии города, наперерыв обсуждали все, что пришлось им увидеть. Сна-

чала они долго спорили, почему в их яме появились турки. Потом стали говорить о Джулии, разбирая ее внешность: лицо, одежду и делая предположения, кто она и что привело ее в этот ад.

– Красивая девка, – сказал Лоренцо, старый разбойник, прикованный на противоположном от Джулии конце тюрьмы, – жаль, я далеко! Не плошай, Марко!

– Это – знатная птица, не нам чета! – сказала старуха Ваноща. – Какое на ней платье-то! По золотому отдашь за локоть такой материи.

– Голову бы я ей размозжил, будь поближе, – сказал Козимо из своего темного угла, – она из тех, кто одевается в шелк, когда мы голодаем!

Мария-болящая, которая давно была почти одним скелетом и у которой прежний тюремщик каждый день спрашивал, скоро ли она помрет, пожалела Джулию:

– Ох, трудно ей придется, с пуховых подушек да на голую землю, от княжеских яств да на хлеб, на воду!

А пророк Филиппе, беглый монах, сидевший в тюрьме более двадцати лет и весь обросший волосами, угрожал страшным голосом:

– Приблизилось, приблизилось время! Се предан мир неверным, да попрут веселившихся и гордых, чтобы после возвеселились малые и убогие! Радуйтесь!

Только один Марко молчал. Впрочем, как заключенного недавно, узники еще не считали его вполне своим.

III

Понемногу Джулия пришла в себя. Но она не открывала глаз и не двигалась. Она слушала речи о себе и едва понимала слова. Потом совсем стемнело, и узники один за другим заснули. Со всех сторон послышался громкий храп. Только тогда Джулия решилась плакать и рыдала до первого света.

Утром рано в тюрьму спустились новые тюремщики. То были двое турок: главный – постарше, и помощник его – помоложе. Они принялись, как то делали, прежде их предшественники, убирать тюрьму. Помощник лопатой сгребал нечистоты, скопившиеся за день, а главный раскладывал перед узниками куски заплесневелого хлеба и наливал воды в глиняные кружки.

Узники сначала не решались промолвить ни слова, потом отважились расспрашивать, что случилось и почему их не выпустят на волю, если правители в городе сменились. Но турки не понимали по-итальянски.

Подойдя к Джулии, главный тюремщик соблазнился ее красотой и молодостью. Отложив в сторону мешок с хлебом, он стал что-то говорить ей приветливо и хотел обнять ее. Но Джулия, забыв о своем положении, не вынесла такого оскорбления и ударила его по лицу.

Тогда турок пришел в ярость, схватил бывший с ним бич и стал жестоко хлестать ее. Потом тут же, под хохот и весе-

лые вскрики всей тюрьмы, изнасиловал ее.

Так девственность красавицы Джулии Ларго, отказавшей в своей благосклонности великому визирю султана, – досталась простому турку, который никогда и в глаза не мог увидеть женщин из гарема паши.

IV

Потекли дни тюремной жизни.

Джулия мало-помалу привыкла к страшной обстановке, к смрадному воздуху, к твердому хлебу, к ржавой воде. Привыкла переносить такое, о чем раньше не могла бы помыслить без крайнего стыда. Она безмолвно принимала ежедневные ласки тюремщика, а порой и его побои. Она решалась, как все другие узники, совершать на виду у всех, что между людьми принято скрывать.

Узники были прикованы на таком расстоянии, что лишь с трудом могли дотянуться друг до друга. Длина цепи позволяла им сидеть, но встать на ноги они не могли. Несмотря на то, узники придумали себе целый ряд развлечений. Лоренцо и Козимо устроили кости и играли в них целые дни — на хлеб и воду; случалось, что проигравший дней по пяти оставался голодным. В игре часто принимала участие и Ваночца. Козимо забавлялся еще тем, что бросал в со товарищей землей и камнями. Этим он всегда приводил в ярость Филиппе, который тогда рычал, как бык, и так рвался на цепи, что стены дрожали. В другие дни Филиппе усердно тесал около себя в стене Распятие. Бывало, что между узниками подымался длинный разговор, переходивший в жестокую ругань. А иногда несколько суток никто не хотел вымолвить слова: все лежали в своих углах, в злобе и отчаянии.

Джулия оставалась одинокой среди заключенных. Она не отвечала на вопросы и словно не слышала брани, которой ее осыпали. Она никому не говорила, кто она, и это оставалось тайной для всех обитателей тюрьмы. Она проводила дни в молчаливых раздумиях, не плача, не жалуясь.

Только со своей соседкой, старухой Ванощой, обменивалась она порой несколькими словами. Ваноща, которая была в тюрьме уже много лет, дала Джулии несколько дельных советов. Указала ей, что надо время от времени садиться на корточки, чтобы ноги не затекали. Показала, как сделать, чтобы железный пояс не слишком тер тело. Посоветовала выплескивать под утро из кружки остатки воды, чтобы она не загнивала. Джулия не могла не признать пользы этих советов и из благодарности откликнулась на голос Ванощы.

Однажды Джулия нечаянно толкнула свою кружку и пролила всю воду. Водой узники особенно дорожили, потому что стояло лето и в тюрьме было очень жарко. Джулия томилась от жажды, но не показывала виду.

Марко, прикованный рядом, подвинул ей свою кружку.

– Ты хочешь пить, – сказал он, – прошу тебя, возьми мою воду.

Джулия посмотрела на Марко. Ей показались прекрасными его черные глаза и бледные щеки.

Она сказала:

– Благодарю тебя.

Ржавая вода была в тот день очень вкусной.

V

С этого дня Джулия стала разговаривать с Марко. Сначала их разговор был отрывочным. Понемногу они стали говорить все больше и больше. А еще после стали проводить в беседах целые дни.

Джулия рассказывала об убранстве и веселой жизни дворцов: о сводчатых галереях и мозаичных полах, о мебели из драгоценного дерева и люстрах из венецианского стекла, о садах с искусственными водопадами и фонтанами, о платьях, шитых золотом и жемчугами, о празднествах, торжественных обедах, балах с танцами, маскарадах в садах, увешанных фонариками, с иллюминациями, и об увеселительных охотах в лесах; о театральных представлениях и об игре на спинете, цитре, флейте и лютне; рассказывала о произведениях искусства, о пряжках, браслетах, диадемах – работы лучших ювелиров, о тонких изящных медалях, о статуях древних и новых ваятелей, о дивных картинах великих новых художников, изображающих и события священной истории, и сцены из римских басен о богах, и картины из теперешней жизни; рассказывала все, что приходилось ей читать в книгах Филельфо, Понтано, Панорамито, Альберти и других современных писателей; повторяла новеллы Поджо и Боккаччо или декламировала стихи Петрарки.

Марко в ответ говорил о красивых раковинах, которые он

собирал в море, о дивных пестрых рыбах, которые попадались в его сети, о крабах, ходящих боком, и безобразных тритонах; вспоминал о ночных ловлях при свете смоляных факелов, о гонках лодок, о лазурных гротах, о страшных бурях на море; описывал жизнь в Сицилии и Африке, в странах, где живут чернокожие люди, слоны и верблюды; передавал рассказы о странствиях морехода Синдбада, принявшего однажды спину морского чудовища за остров, побывавшего в странах, где есть люди без головы, охотившегося дальше Лунных гор за птицей Рохом; мечтал о морских сиренах, что по ночам играют на златострунных лирах и заманивают к себе молодых рыбаков, чтобы потопить их, о саламандрах, которые незримо таятся в воздухе кругом нас и могут быть видимы только в огне, проходя через который воспаляются, о древних титанах, лежащих под Везувием и дышащих черным дымом, о жизни на солнце и на звездах, о говорящих цветах и о девушках с крыльями, как у бабочек.

Лишь об одном никогда не говорили Джулия и Марко: о своем настоящем и о своем будущем, о том, как шли дни в их тюрьме и что их ожидало.

Другие узники сначала насмехались, слушая их разговоры, а потом перестали обращать на них внимание.

VI

Узнав друг друга, Джулия и Марко стали опять стыдиться. И они вновь начали таить то, что люди скрывают от чужих глаз.

Однажды утром тюремщик еще раз обратил внимание на Джулию, хотя, истощенная голодом, отсутствием воздуха и болезнью, она уже вовсе не могла считаться особенно красивой. Турок сел около нее и, смеясь, хотел опять обнять ее, как делал это в первые дни ее заключения. Но Марко сзади схватил его за плечи, опрокинул наземь и едва не разбил ему голову своей цепью.

Подоспевший помощник легко, конечно, справился с юношей, обессилевшим от долгого заключения. Оба турка повалили Марко и стали его хлестать нещадно бичом. Они били его поочередно, пока окончательно не опустили у них руки от усталости. Наконец, произнося угрозы и ругательства, они удалились, оставив Марко в луже крови.

Вся тюрьма безмолвствовала. Никто не знал, какие слова можно произнести.

Джулия, сколько позволяла ей цепь, приблизилась к Марко, омыла ему раны и намочила водой голову.

Марко открыл глаза и сказал:

– Я в раю.

Джулия поцеловала его в плечо, потому что не могла до-

тянуться до его губ, и сказала ему:

– Я люблю тебя, Марко. Ты – светлый.

Все думали, что турок на другой день убьет Марко. Но почему-то наутро пришли убирать тюрьму два новых тюремщика: оба угрюмых и не обращавших никакого внимания на узников. Побоялись ли старые мести или их сменили, это осталось в тюрьме тайной.

VII

Марко прохворал несколько недель, и Джулия ухаживала за ним, как могла. А когда Марко оправился, захворала Джулия.

Раз, вечером, она начала громко стонать, потому что не могла преодолеть боли. Старуха Ваноща поняла, в чем дело, и велела ей подвинуться ближе.

К утру у Джулии родился мертвый ребенок.

– Жаль, что мертвый, – сказал Лоренцо, – славный был бы головорез! Редко кому выпадает такая удача: в тюрьме родиться.

Козимо обругал Ванощу, зачем она помогала Джулии.

– Небось она женщина, – сказала в ответ Мария-болящая.

Утром пришли тюремщики-турки, сгребли маленький некрещеный трупик вместе с нечистотами и унесли куда-то.

VIII

Несколько дней спустя Джулия сказала Марко, ночью, когда все спали:

– Марко! Ты должен презирать меня. Я-погибшая. Ты – первый, кого полюбила я. И я не могу отдать тебе чистоты своего тела. Меня, против моей воли, загрязнили. Я недостойна тебя, хотя и не согрешила пред тобой. Ах, если бы я встретила тебя в былые дни, и ты бы первый увидел мою грудь, на которую не смотрел ни один мужчина! Тогда не было бы ласк, которых я не нашла бы в своем существе и которых не расточила бы тебе со всей щедростью любви и страсти! Но теперь оставь меня, Марко, и не позволяй себе думать обо мне, как о женщине. Если мне невозможно принести тебе, как приданое, ту единственную истинную драгоценность, какой может владеть девушка: честное имя, – я не хочу, чтобы ты стыдился своего выбора. Я буду любить тебя вечно, но ты не должен любить меня. Пока праведный гнев господень держит нас в этом аду, позволь мне иногда смотреть тебе в лицо, чтобы я могла преодолевать искушение смертного греха – самоубийства. Когда же заступничество Пречистой Девы Марии возвратит нам свободу, вспоминай хотя изредка о той душе, для которой ты навсегда останешься сиянием. А я в келье монастырской не устану воссылать молитвы и за тебя.

Но Марко отвечал ей:

– Джулия! Ты – светлый ангел надо мной. Я никогда не видел, ни наяву, ни в грезах, ничего прекраснее, чем твой образ. Ты заставила меня вновь поверить в милосердного бога и его благоуханный рай. Если там, среди высоких лилий, такие, как ты, – стоит терпеть мучения на этой земле. Мысль о тебе ослепляет меня синим огнем, как молния. Когда руки твои касаются меня, я дрожу: это – уголь, горящий, но сладостный. Твой голос – как свирель на росистом лугу или как роптание чуть пенистой волны около каменистого побережья. Целовать то место на земле, которого ты касалась, высший из моих помыслов. Ты непорочна, ты безгрешна по существу; грех ниже тебя, и ты всегда над ним, как хрустальное небо всегда над облаками. Госпожа моя, не лишай меня радуги взоров твоих!

Тогда Джулия стала на колени и сказала ему:

– Марко! возлюбленный мой! возьмешь ли ты меня как свою жену?

Тогда Марко стал на колени и сказал ей:

– Девушка! Пред лицом господа бога, видящего все, беру тебя как свою жену, обручаюсь с тобой и сочетаюсь союзом, который человек нарушить не властен.

Так сочетались они браком, ночью, когда все спали, стоя на коленях друг перед другом.

IX

Христианские государи не могли, конечно, терпеть спокойно, что неверные утверждают в стране, где постоянно пребывает наместник Христа. Альфонс, герцог Калабрийский, сын тогдашнего короля Неаполитанского, собрал сильное войско, чтобы изгнать турок из Италии и возвратить Неаполю город Отранто. Папа Сикст IV, перечеканив в монету свою посуду и много церковной утвари, снарядил на помощь Альфонсу пятнадцать галер. Также послали вспомогательные отряды арагонцы и венгры.

Мужество и доблесть христиан сломили упорство неверных, которые к тому же пали духом, прослышав о смерти султана Магомета, который покончил свою неистовую жизнь в мае месяце, в год 1481. Мусульмане бежали из Италии, и неаполитанцы заняли вновь достославный город Отранто.

Среди военачальников христианского войска находился брат несчастного Фернандо Ларго Пиетро, и он поспешил разыскать свою племянницу. Джулию вывели из подземной тюрьмы. Она не могла стоять на ослабших ногах, и свет солнца слепил ее невыносимо. Те же, кто видел ее худобу и бледность, не могли удержаться от слез. Ловкие служанки омыли ее в ароматной купальне, расчесали ей волосы, облекли ее в легкие, нежные ткани.

Джулия была как безумная и едва могла отвечать на во-

просы. На другой день после освобождения с ней сделался приступ болезни, и она несколько недель была близка к смерти. В бреду представлялось ей, что она уже умерла и осуждена на вечные мучения в преисподней и что дьяволы всячески терзают и позорят ее тело. Она не узнавала никого из родных, и все приближавшиеся к ней внушали ей ужас и отвращение.

Когда понемногу, благодаря искусству врачей и заботам родственников, она стала поправляться, все прошлое, весь страшный год, проведенный в подземной тюрьме, стал ей казаться одним из видений ее горячечного бреда. При ней никто не решался говорить о месяцах ее плена, и она сама старалась не возвращаться к ним даже в мыслях.

Х

Выздоровев совершенно, Джулия переехала в Неаполь и поселилась у одного из своих дядей. Ныне уже покойный, король Фернандо, в память мученической смерти ее отца при исполнении своего долга, пожаловал ей годовое содержание в 1000 дукатов. Кроме того, ей перешли, в полное обладание, замки и земли ее отца. Красота Джулии расцвела с такой пышностью, как никогда прежде. Все дивились ей на придворных празднествах, а так как она была невестой богатой, то и не было недостатка в искателях ее руки из числа молодых людей наиболее достойных и благородных.

Однажды Джулия со служанками проходила по набережной, там, где воздвигнуты новые замечательные здания Неаполя. Внезапно, среди небольшой кучки рыбаков, стоявших у лодки, она признала Марко. Он был одет как моряк, в куртку с позументами и красный колпак.

Джулии вдруг стало печально и томительно, словно злой волшебник пригрозил ей своим магическим жезлом. Она хотела сделать вид, что не заметила Марко, но было ясно, что он ее видел и узнал. Тогда Джулия послала к Марко одну из служанок, чтобы приказать ему прийти к ней сегодня вечером. Видно было, как Марко усмехнулся и кивнул головой в знак согласия.

Весь тот день Джулия не знала покоя. Вечером пришел

Марко, молодой, свежий, окрепший, смелый. Джулия приняла его в своей комнате. С ней была ее подруга, монна Лукреция, и две близких служанки. На Джулии было шитое золотом бархатное платье с прорезными рукавами, на шею жемчужное ожерелье и на лбу алмазная фероньерка. Она сидела в высоком кресле флорентийской работы.

Марко поклонился почтительно, как подобало простому рыбаку перед знатной синьорой.

Некоторое время Джулия не знала, как говорить с ним; потом спросила:

– Скажи мне, друг, чем ты занимаешься?

Марко поднял на нее черные глаза, опять усмехнулся так же, как утром на пристани, и ответил:

– Я, синьора, рыбак, промышляю рыбой, а иногда вожу товары из Отранто в Неаполь.

– И ты доволен своим положением? – спросила Джулия.

– Мне большего не надо, чтобы жить и любоваться золотым солнцем и голубыми волнами, отвечал Марко, и голос его зазвенел так нежно, как в часы их длинных разговоров в темнице.

Но Джулия уже овладела своим сердцем и сказала:

– Я прикажу дать тебе на мой счет новую барку, чтобы ты мог начать собственную торговлю.

Марко наклонил голову.

– Благодарю вас, синьора, я не хочу вас обидеть отказом. Позвольте только мне в память о вас назвать эту барку ва-

шим именем.

После этих слов Марко опять вежливо поклонился и попросил позволения удалиться. Когда же он вышел, Джулия сказала монне Лукреции:

– Я знаю, что этот человек участвовал в заговоре против моего отца. Но так как он, подобно мне, пережил взятие нашего города, то я не могу быть к нему строгой. Я действительно прикажу снарядить для него барку, но попрошу, чтобы ему запретили появляться в Неаполе. Пусть ведет свои дела где-нибудь у Тарента.